

О СЫНКОВЫХ — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СЫНКОВ Иван Алексеевич, родился в 1881 в деревне Лая Приморского уезда Северной губ., где и проживал. Неграмотный; с 11 лет начал работать на заготовках в лесу и в хозяйстве отца, в 1904 — был призван на военную службу, служил в Финляндском стрелковом полку, в 1905 — участвовал в Русско-Японской войне, рядовым. С 1908 — после демобилизации вернулся домой, полгода проработал на лесозаводе, в 1909 — после женитьбы помогал отцу в хозяйстве, подрабатывал на лесозаготовках, строил свой дом; в семье — четверо детей. С 1914 — на фронте, в 1918 — после ранения демобилизован по болезни, занимался сельским хозяйством, кустарничеством и лесозаготовками. В 1928 — лишен избирательных прав, с 1929 по 1930 — хозяйство было полностью раскулачено, семья изгнана из дома. В 1931 — отправлен на лесозаготовки, в марте 1932 — по суду отправлен на 1 год принудительных работ, затем работал в тресте "Северолес".

В июне 1934 — к Екатерине Павловне Пешковой за помощью обратились его дети¹.

<26 июня 1934>

«Дорогой Е. П. Пешковой.
от детей Сынкova Ивана Алекс<еевича>

Присылая при сем биографию жизни и заявление нашего отца, мы, все его несчастные дети, покорно, не находя слов к прощению, просим вас, т<оварищ> Е. П. Пешкова, оказать нам наибольшее содействие и подвиг в прощении.

Я, его старшая дочь, мне сейчас 16 лет, мельком услышала про вас и ваши содействия в освобождении народа по существующим законам, может быть, и не по правильному назначению я решила написать вам это. Если я написала не правильно, то очень вас прошу исправить мою ошибку и направить заявление по назначению.

Дорогая тов<арищ> Е. П. Пешкова, очень просим вас освободить нашего отца, а вместе с ним и нас, его бедных детей.

Наш отец — неграмотный и пропадает ни за что и губит нас. Он только знает, — работает всю свою жизнь, не покладая рук и не зная праздников и выходных дней. Сначала он был ударником, но теперь по его соц<иальному> положению из ударников выключили и, несмотря на то, что он на одном месте работает 4-й год, не числится кадровым рабочим.

Вот что делает неграмотность. Товарищ Е. П. Пешкова, ведь такими же, как наш отец, останемся и мы все. Нам нет никакой возможности учиться, во-первых, наш с<ельский> совет не дает нам ни одной соответствующей справки, во-вторых, без этих справок никуда не поступить учиться, в-третьих, у нас нет средств на учение, между тем, как мы все способные учиться. На нас не дают хлеба по гос<ударственной> цене, так что мы 3-е работаем, но ведь мы все еще нетрудоспособные, и на заработанные гроши отцом мы покупаем себе хлеб по полтора рубля кило для существования. Мне, старшей дочери, как я уже сказала, 16 лет, я работаю себе непосильную работу по случаю своей неграмотности, получаю заработанные гроши, на которые не хватает прожить одной, если покупать по ком<мерческой> цене хлеб.

Но выручите же нас из этой беды, т<оварищ> Е. П. Пешкова, и ведь, как сказано, учиться никогда не поздно, и мы бы стали учиться, если бы вы

¹ Письмо, очевидно, написано старшей дочерью. Расставлены знаки препинания, исправлены некоторые ошибки.

нам дали дорогу, путь к учению. Вы, наверное, знаете, как трудно в нынешнее время без образования.

Мы все уже социалистические дети, родились мы при советской власти, росли в годы революции, в голодные годы 1921 г<ода>, и растем при бурном строительстве социализма, как в первую пятилетку, так и во вторую. И вот по участи наших родителей мы остаемся не образованными.

Т<оварищ> Пешкова, с надеждой собравшись вокруг стола в чужой комнате, мы пишем вам и думаем, что вы отзоветесь на наш зов.

Письма у нас еще много, но мы не находим слов вам в убеждении.

Мы думаем, что вы не откажите и ответите нам на это письмо.

Писать больше нечего, пока досвиданья.

Надеемся. Дети Сынковы.

26/VI-34»².

К письму детей Сынковых было приложено письмо, написанное от имени Ивана Алексеевича Сынкова.

<26 июня 1934>

«Е. П. Пешковой. Комитет помощи
политическим заключенным

от гражданина Сев<ерного> края,
г<ород> Архангельск, Приморский
р<айо>н, Лайский сель<ский>
совет, д<еревня> Лая, Сынкова
Ивана Алексеевича

Заявление

Прошу Комитет помощи политическим заключенным во главе с тов<арищем> Е. П. Пешковой разобрать мое заявление на основании ниже изложенного.

Я, крестьянин Северного края, Приморского района, Лайского с<ельского> совета, дер<евни> Лая, родился в 1881 году. Мои родители жили бедно. Костяком нашей семьи являлось сельское хозяйство, но, как и все жители нашей деревни, занимались еще побочным заработком, кустарным промыслом (заготовкой дровен “саней”). Семья наша состояла из пяти человек: отец, мать и три брата. И в виду того, что родители жили плохо, мы с малых лет стали помогать им в хозяйстве. Мне даже нисколько не удалось поучиться грамоте, надо было работать. 11-ти лет и я уже работал в лесу, так что наша деревня была кругом окружена лесом и вторым костяком нашего хозяйства это была работа в лесу по заготовке леса строевого, дров, березняки для работы саней, жердей и т<ому> п<одобное>.

Вот таким образом я жил у отца до 22-х лет, помогая ему в хозяйстве, в побочной работе, одним словом, что придется. 22-х лет меня взяли на военную службу и на этой службе я служил с 1904 г<ода> в 1-м Финляндском стрелковом полку, а в 1905 г<оду> добровольно уехал на Русско-Японскую войну, где и прошло у меня 4 года. Я все время был рядовым солдатом. Придя с военной службы, жить у родителей было не с чего, когда сбросил с себя солдатскую одежду, нечего было даже и переодеть. Мне пришлось тогда же идти на л<есо>завод, где я и проработал 6 месяцев. Вернувшись с лесозавода домой, я кое-как взял кредит денег, купил себе лошаденку и с лошадьёю стал работать в лесу. Мне было тогда 26 лет, через год я женился и два года жил с женой у

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1166. С. 95. Автограф.

родителей. Летом я работал по сел<ьскому> хоз<яйства>, а по зимам на л<есо>заготовках, т<ак> к<ак> от одного с<ельского> хозяйства у нас на Севере существовать невозможно, в частности, в нашей дер<евне>. За эти два года я кое-как срубил себе дом, когда начал рубить лесу было лишь 40 бревен, остальной лес добывал кое-как, который займы брал у соседей, который сам рубил. При рубке дома сам с женой работал больше всех: сам и доски на крышу, на полы, на подполки, на потолки и т<ому> п<одобное> пилил, сам лес обрезал на стены, сам набирал полы и потолки, да и все остальное достраивал сам, нанимал лишь в самых необходимых случаях 3-4 чел<овека>, но ведь без этого хоть какой специал<ист> не обойдется, так что деревья поднять на высоту стройки одному трудно. В 1909 году, когда мне было 29 лет, кое-как попал в свой дом и то лишь в одну кухню. Несмотря на то, что я с женой жил и работал у родителей заодно, но, уходя от них из семьи, мне почти ничего не досталось, корова и то не досталась, взяли лишь одну телушку, которую вырастила моя жена. Так с 1909 г<ода> до 1914 я занимался вышеуказанными работами нашей деревни, потихоньку достраивал свое жилище. В течение этих же 4-х лет я год болел тяжелой болезнью. Ходил на ½ м<еся>ца на повторение военной службы и в тот же период пала моя последняя лошадь, так что только при помощи моей жены я справлялся с сельским хозяйством. Я не успел справиться, как в 1914 г<оду> меня взяли на Германскую войну, с первого же дня мобилизации. Когда пошел на войну, дома осталась жена, 2-е детей, больной отец, которого разбил паралич и кое-что по хозяйству. На этой войне я был четыре года. Во время войны меня ранило, и с войны я вернулся по болезни. Работать тяжелой работы я не мог и почти год я работал легкую работу. Когда поправился, взялся за дело, стал растить скотину. Самая большая цифра моего скота доходила до 10 голов в 1929 г<оду>: 3 коровы, 2 лошади, остальные телята и овцы. Уход за скотиной был своим семейным трудом. В части кризиса корма скота у меня не хватало, и я достал сенокосную и пахотную расчистку, 700 кв<адратных> сажен, т<о> е<сть> выкорчевал лес и кустарник поблизости от местожительства, пахотной так и сенокосной было недостаточно, сено прикупал каждый год. Кроме с<ельского> хоз<яйства>, занимался кустарничеством и работал на л<есо>заготовке.

На вырученные средства я не старался заводить какие-нибудь роскоши, а заводил лишь то, что надобно в кр<естьянст>ве. Я всю жизнь жил очень аккуратно, берег каждую копейку, табаку и того не курил. В настоящее время мне 53 года. Жене 48 лет. Здоровье у обоих потеряно и 4 детей от 5-ти лет и до 16 лет, но как раньше, так и сейчас приходится работать не покладая рук, несмотря что трудоспособности нет.

В конце 1928 года я был лишен избирательных прав. Лишен за то, что, работая 1927 году на лесозаготовках крестьянского леса, по случаю дальней вывозки бревен из леса на катище мне пришлось взять временно чужую лошадь и возчика <и вывезти> уже мною срубленный лес.

При раскулачивании в 1929-30 г<одах> у меня была произведена опись всего имущества, но раскулачен я не был, т<ак> к<ак> в с<ельский> совет пришло постановление о приостановлении такового 8/V-30 г<ода>. Архангельский Округной Исполнительный Комитет восстановил меня в избирательных правах и по соц<иальному> положению зачислил меня середняком. Но, несмотря на это постановление, Лайский с<ельский> совет обложил меня в индивидуальном порядке, мой доход был исчислен неправильно. Считали у меня две лошади от четырех лет до 16 и три коровы, которые приносят 100% дохода. Но на самом деле лошадь от 4-х лет одна, а второй у меня жеребец, которому в то время не было и 3-х лет. Коровы мои были: одна старая и больная, к держке не годилась, была по

болезни не случена с быком; и было два первотелка, из которых один доил два года одним молоком, а поэтому 100% дохода приносить они не могли.

Обложен первый раз индивидуально я был в сумме 428 руб<лей> и страховку 31-57. Итого 459-57. Уплатить этой суммы я, конечно, не мог, и с<ельским> советом была произведена опись моего скота для покрытия с<ельско>хоз<яйственного> налога, взяли у меня жеребенка и 2-х молодых первотелков да соломорезку. Вскоре этого с меня потребовали и самообложение. Сам обложен я был 100% с<ельско>хоз<яйственного> налога. Следовательно, с меня причиталось получить еще 428 р<ублей>, и для покрытия самообложения у меня произвели вторичную опись имущества и на последнюю лошадь. Опись сразу же привели в исполнение. Взяли у меня последнюю лошадь и известную часть имущества для покрытия самообложения.

Потом через год, т<о> е<сть> <в> 1930-31 г<одах> на меня опять был наложен сельхозналог и самообложение. В этот раз, как и всегда у меня не было денег для покрытия последнего и у меня, как говорится, из дому подмели все под метелку, продавали даже платки, фартуки, платья моей жены, даже то, которое завела она себе девушкой. И за все это мою жену и детей выгнали из своего дома или вернее сказать из своей комнаты, так как тогда у нас уже помещалась школа. А меня сельсовет послал на лесозаготовки по твердому заданию. Нормы для выработки были даны больше, как никому из работавших, которых, несмотря на мои старания, я выполнить не мог. Мне за это был суд, который присудил 1 год принуд<ительных> работ. Принуд<ительные> работы я отбыл уже 2-й год с марта месяца 1934 г<ода>.

В настоящее время я работаю на Бобровской запани Сев<ерного> края, Холмогорского района. И не знаю, на каких, на чьих правах я живу, не имея никаких документов к оправданию. В Приморском РИКе моей жене сказали, что я считаюсь высланным, а на сколько времени, не знают. Мне очень хотелось бы узнать, кто меня выслал? Судом я не высылался, ОГПУ тоже не высылало, а сказали в РИКе, что выслал сель<ский> совет, от которого я тоже ничего не имею. Спросили в с<ельском> совете, и тот не знает. Кроме того, в РИКе сказали, что после восстановления Окр<ужного> исполкома был вновь лишен таковым по ходатайству РИКа 31/XII – 30 г<ода>.

Сейчас я живу и работаю на положении, мне совсем неизвестном. Куда идти хлопотать, чего куда писать, как и куда по своей неграмотности я не знаю. А поэтому моя покорнейшая к Вам единая просьба, рассмотреть, расшифровать, разобрать мое заявление, может оно и написано не совсем целесообразно. А о результате сообщить в соответствующие организации и мне с направлением о дальнейшем ходатайстве в получении документов по адресу, где я нахожусь в наст<оящее> время: Северный край, г<ород> Архангельск, Холмогорский район, Бобровское п<очтовое> отд<еление>, Бобровская запань треста "Северолес". Сынкову Ивану Алексеевичу.

К сему подписуюсь, Сынков.

26/VI-34»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1166. С. 90-92. Автограф.